

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ахметдинов Д.А., Тихонова Е.В.

Научный руководитель – доцент Тихонова Е.В.

Сибирский федеральный университет

Перевод существовал с незапамятных времён. Когда два народа живут по соседству, они между собой или воюют, или торгуют. В обоих случаях возникает нужда в переводчике, толмаче – словом в человеке, который владеет (хотя бы немного) языками обоих народов и переводит некоторый смысл из одной языковой формы в другую. Что значит переводить? На первый взгляд – всё просто. То, о чём говорилось в исходном тексте, нужно изложить словами другого языка, построив при этом правильные предложения. Но есть старый анекдот о семинаристе, которому надо было перевести с латыни предложение «*Spiritus quidem promptus est, caro autem infirma*». Это евангельское изречение «Дух бодр, плоть же немощна» семинарист перевёл: «Спирт хорош, а мясо протухло». И перевод этот правильный в том смысле, что каждое из слов можно так перевести, и предложение получилось нормальное. Только смысла исходного текста оно, конечно, не передает. Чем сложнее, многограннее смысл исходного текста, тем труднее он для перевода. Но и самая простая на первый взгляд фраза может содержать подводные камни. Допустим, нужно перевести на английский язык Мама мыла раму. Нетрудно придумать добрый десяток абсолютно правильных переводов этой фразы: русскому прошедшему времени здесь могут соответствовать, по крайней мере, три английские глагольные формы. Но для этого нужно воссоздать ситуацию, необходим контекст. Значит, чтобы перевести предложение, нужно превратить его в высказывание, т.е. понять, в какой ситуации и с какой целью оно было сказано или написано. Не обязательно, чтобы высказывание-перевод дословно совпадало с оригиналом. Главное требование: оно должно значить для носителей языка перевода то же самое, что значило исходное высказывание для носителей своего языка.

Возможен ли перевод?

Вопрос кажется странным – ведь перевод существует! Однако вот что писал великий немецкий лингвист Вильгельм фон Гумбольдт: «Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно». Его взгляды разделяют многие учёные. Доводы их таковы: во-первых, говорят они, слова, которые мы принимаем за эквиваленты, на самом деле вызывают разные представления у носителей разных языков. Так, в каждом языке есть слово со значением ‘дом’, ‘жилище’. Но представление о его внешнем виде и внутреннем убранстве у русского, англичанина, узбека и негра из Южной Африки будет сильно различаться: слова разных языков вызывают разные ассоциации. В систему языка слова могут быть встроены по-разному: они происходят от корней с различным смыслом, имеют разный грамматический род, по-иному связаны со своими синонимами. Так, по-русски корабль – мужского рода, а англичане заменяют ship местоимением женского рода, и это во многом определяет чувства, которые испытывает английский моряк к своему судну.

Поэтому точно передать значения даже тех слов, для которых вроде бы есть соответствия в другом языке, невозможно. Как, например, сказать по-английски

взбуктенивать? Как передать разницу между умереть и приказать долго жить? Как перевести лапти, щи, изба, бублик? Или как будет по-якутски абсолютный, молекула?

У разных языков – разный словарный запас, и некоторые понятия, выраженные в одном языке, в другом могут просто отсутствовать. Но разница не только в словах – один язык выделяет десятки времён, другой обходится двумя, в одном нужно всегда указывать число предметов, в другом – не обязательно. Языки по-разному “видят” мир, по-разному формируют сознание своих носителей. Разве видение мира можно перевести?

Наконец, обратимся к практике. Существуют десятки разных переводов одного стихотворения. Не свидетельствует ли это о том, что перевод – лишь попытка добиться невозможного? Переведите с английского любой перевод русского текста, а потом сравните с оригиналом: хорошо, если текст будет узнаваем. Не значит ли это, что возможность перевода мнимая? С этими доводами сложно спорить: видимо, смысловые потери при переводе неизбежны. Но бывают случаи, когда отступление от оригинала не мешают переводчику. Такой перевод – равноценный, эквивалентный (от лат. *Aequus* – «равный» и *valens* – «имеющий значение»). Этого перевода вполне достаточно в быту (когда нужно узнать время, спросить дорогу, осведомиться о цене, договориться о встрече). Приблизительно также оценивается технический перевод: переводчик инструкции к телевизору должен заботиться о том, чтобы в нужных случаях читатель русского текста нажимал те же кнопки, что и читатель оригинала, 0 остальным можно и пренебречь. Требования к переводу деловых и политических документов, для которых очень важна точность, более высокие. Но здесь выручает множество стандартных формулировок, их значение в разных языках почти одинаково, и это позволяет избежать недоразумений. Самое сложное – переводить философские, религиозные и особенно художественные тексты. Каждое слово в них бывает так «нагружено» смыслом, что переводчику приходится не столько воспроизводить текст на другом языке, сколько создавать его заново. Говорят, на одной конференции по проблемам перевода докладчик начал свою речь так: «Искусство – тяжёлая проблема вообще. А искусство перевода вообще тяжёлая проблема». Так оно и есть: трудности, стоящие перед переводчиком, неисчислимы. И первая из них – понимание оригинала. Если переводчику не удалось передать мощь, разнообразие или гармонию оригинала – это не позор. О чуде можно мечтать, но требовать его нельзя. Ошибка же, вызванная непониманием текста, – серьёзный удар по репутации переводчика во многих ошибках повинны так называемые ложные друзья переводчика – слова одного языка, похожие по звучанию на слова другого, но имеющие иное значение. Так, английское *paragraph*, например, означает не ‘параграф’, а ‘абзац’. Вторая причина многочисленных ошибок – непонимание идиом, фразеологических оборотов. Нельзя переводить английское *to catch cold* буквально («поймать холод») – это выражение значит ‘вмешаться’.

Множество ошибок вызвано и тем, что переводчик не знает культуры той страны, с языка которой он переводит. В переводах с английского сейчас можно встретить Джона Баптиста (*John the Baptist* – это Иоанн Креститель) и Святую Виржинию (а это святая Дева, *Saint Virgin*). В художественных текстах часто встречаются цитаты из Библии и Шекспира, из детских прибауток и стихов, которые учат наизусть в школе. Если переводчик не опознает цитату, может получиться ляпсус вроде «Спирт хорош, а мясо протухло». Поскольку в результате перевода художественного текста и перевод должен получиться художественным, важно уметь писать на родном языке. Не случайно лучшими переводчиками часто бывают хорошие поэты и писатели, даже если они не знают языка оригинала в совершенстве. Есть случаи, когда переводчику нужны не только знания, но и особое мастерство. Писатель часто играет словами, и эту игру бывает непросто воссоздать. Вот английская шутка,

построенная на каламбуре. Человек приходит на похороны и спрашивает: I'm late? И в ответ слышит: Not you, sir. She is. Английское слово late значит и 'поздний' и 'покойный'. Герой спрашивает: Я опоздал?

А ему отвечают: Нет, покойник не вы, сэр, а она. Как быть? По-русски игра не получается. Но переводчик вышел из положения: Всё кончилось? – Не для вас, сэр. Для неё. Такие ловушки подстерегают переводчика на каждом шагу. Особенно трудно передать речевой облик персонажей. Хорошо, когда говорит старомодный джентльмен или взбалмошная девица – легко представить, как они говорили бы по-русски. Гораздо сложнее передать речь ирландского крестьянина по-русски или одесский жаргон по-английски. Здесь потери неизбежны, и яркую речевую окраску поневоле приходится приглушать. Недаром фольклорные, диалектные и жаргонные элементы языка многие признают совершенно непереводаемыми. Особые трудности появляются, когда языки оригинала и перевода принадлежат к разным культурам. Например, произведения арабских авторов изобилуют цитатами из Корана и намёками на его сюжеты. Арабский читатель распознаёт их также легко, как образованный европеец отсылки к Библии или античным мифам. В переводе же эти цитаты остаются для европейского читателя непонятными. Различаются и литературные традиции: европейцу сравнение красивой женщины с верблюдицей кажется нелепым, а в арабской поэзии оно довольно распространено. А сказку "Снегурочка", в основе которой лежат славянские языческие образы, на языки жаркой Африки вообще непонятно, как переводить. Разные культуры создают едва ли не больше сложностей, чем разные языки. Однако стремление людей понять друг друга заставляет переводчиков снова и снова пытаться совершить чудо. И иногда оно получается. Я.П.Полонский написал «Песню цыганки» в которой нет ни одного цыганского слова, а цыгане её тотчас подхватили и запели, – значит, признали своей.

Tired with all these, for restful death I cry,
As, to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimm'd in jollity,
And purest unhappily forsworn,
And gilded honour shamefully misplaced,
And maiden virtue rudely strumpeted,
And right perfection wrongfully disgraced,
And strength by limping sway disabled,
And art made tongue-tired by authority,
And folly doctor-like controlling skill,
And simple truth miscall'd simplicity,
And captive good attending captain ill:
Tired with all these, from these would I be gone,
Save that, to die, I leave my love alone.

Вывод

Художественный перевод, как поэтический, так и прозаический, – искусство. Искусство – плод творчества. А творчество несовместимо с буквализмом. Это уже отчётливо осознавала русская литература XVIII в. она отграничивала точность буквальную, подстрочную от точности художественной. Она понимала, что только художественная точность даёт читателю войти в круг мыслей и настроений автора, наглядно представить себе его стилевую систему во всём её своеобразии, что только художественная точность не приукрашивает и не уродует автора. Этот взгляд на перевод русский восемнадцатый век оставил в наследство девятнадцатому, девятнадцатый – двадцатому. В статье А.С.Пушкина о Мильтоне и о Шатобриановом переводе «Потерянного рая» читаем: «...русский язык... не способен к переводу

подстрочному, к переложению слово в слово...»А Б.Л.Пастернак в «замечаниях к переводам Шекспира» выразился так: «...перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности». Но раз перевод – искусство, ничего общего не имеющее с буквалистическим ремеслом, значит, переводчик должен быть наделён писательским даром. Искусство перевода имеет свои особенности, и всё же у писателей-переводчиков гораздо больше черт сходства с писателями оригинальными, нежели черт различия. Об этом прекрасно сказано в «Юнкерах» А.И.Куприна: «...для перевода с иностранного языка мало знать, хотя бы и отлично, этот язык, а надо ещё уметь проникать в глубокое, живое, разнообразное значение каждого слова и в таинственную власть соединения тех или других слов».

Переводчикам, как и писателям, необходим многосторонний жизненный опыт, неустанно пополняемый запас впечатлений. Язык писателя-переводчика, как и язык писателя оригинального, складывается из наблюдений над языком родного народа и из наблюдений над родным литературным языком в его историческом развитии. Только те переводчики могут рассчитывать на успех, кто приступает к работе с сознанием, что язык победит любые трудности, что преград для него нет. Вспомним слова М.В.Ломоносова из посвящения к составленной им «Российской грамматики»: по его мнению, русский язык заключает в себе «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость латинского языка...».

Вспомним слова А.И.Герцена из «Былого и дум»: «...главный характер нашего языка состоит в чрезвычайной лёгкости, с которой всё выражается на нём – отвлечённые мысли, внутренние лирические чувствования, «жизни мышь я беготня», крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть». Сошлёмся и на утверждение Н.В.Гоголя в «Мёртвых душах»: «...нет слова, которое так бы кипело и живо трепетало, как русское слово». Национальный колорит достигается точным воспроизведением портретной его живописи, всей совокупности бытовых особенностей, уклада жизни, внутреннего убранства, трудовой обстановки, обычаев, воссозданием пейзажа данной страны или края во всей его характерности, воскрешением народных поверий и обрядов.

Сошлёмся на опыт В.Г.Короленко. В лучших своих сибирских рассказах он, не злоупотребляя иноязычными словами, так описывал внешность якутов, их юрты, утварь, нравы и образ жизни, так изображал якутскую природу, что по прочтении его рассказов создавалось впечатление, будто мы вместе с ним побывали в дореволюционной Якутии. Я.П. Полонский написал «Песню цыганки» («Мой костёр в тумане светит...»), в которой нет ни одного цыганского слова, а цыгане её тотчас подхватили и запели, – значит, признали своей. У всякого писателя, если только он подлинный художник своё видение мира, а, следовательно, и свои средства изображения. Индивидуальность переводчика проявляется и в том, каких авторов и какие произведения он выбирает для воссоздания на родном языке. Для переводчика идеал – слияние с автором. Но слияние требует исканий, выдумки, находчивости, вживания, сопереживания, остроты зрения, обоняния, слуха. Раскрывая творческую индивидуальность, но так, что она не заслоняет своеобразия автора.

Согласно определению М. Лозинского, существует два основных типа стихотворных переводов:

- 1.Перестраивающий (содержание, форму).

- 2.Воссоздающий – т.е. воспроизводящий с возможной полнотой и точностью содержание и форму. И именно второй тип считается почти единственно возможным.

Переводчик может выбрать любой из них.